

Е. Г. Малышева, А. Ю. Жигунов
Омск, Россия

**НОВАЯ «ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА:
МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА КАК БАЗОВАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАКОНЦЕПТА 'АРКТИКА'**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации медиаконцепта «Арктика» в текстах печатных и электронных СМИ. Констатируется, что базовым средством интерпретации содержания медиаконцепта «Арктика» является конфликтная метафора вообще и метафора войны в частности. Анализируется фреймо-слововая структура метафорической модели «Конфликты в Арктике — это война» и делаются выводы об особенностях реконструкции фрагмента медийной картины мира, связанного с когнитивным феноменом «Арктика». Милитарная метафора описывает конфликт России с другими странами относительно права владения всеми богатствами арктического региона прежде всего в терминах «холодной войны/новой холодной войны», а также «борьбы», «битвы» и даже «драки». При этом в СМИ имплицитно подчеркивается необходимость ведения такого рода «боевых действий», поскольку в содержательной структуре медиаконцепта «Арктика» частотно актуализируются концептуальные признаки «богатый регион», «необходимый для развития экономики России регион», «регион, определяющий мировое господство». С одной стороны, в медиатекстах по-прежнему эксплицируются представления о том, что завоевание Арктики — это война прежде всего с суровыми климатическими условиями, это необходимый и благородный путь преодоления человеком препятствий, которые ставит на его пути природа, ради процветания России. С другой стороны, Арктика — это место, в битве за которое Россия обязательно потерпит поражение из-за преступного отношения к богатствам региона, из-за того, что наше вмешательство приносит в Арктику экологические проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: милитарные метафоры, метафорические модели; медиаконцепты; фреймы; медиатексты; политическая метафорология; политический дискурс; холодная война.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики, факультет филологии и медиакommunikаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Жигунов Антон Юрьевич, магистрант, кафедра журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; пресс-секретарь; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: zhigunowanton94@mail.ru..

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Арктика — это регион конфликтов, причины и последствия которых продиктованы необходимостью захвата и удержания полезных ископаемых, многочисленных природных богатств этого края. Учитывая концентрацию политической напряженности в регионе, можно констатировать полную уместность использования метафоры конфликта (войны, игры и спорта) в текстах медиа.

Определенного рода лексические номинации: *война за Арктику, борьба за Арктику, гонка за Арктику, драка за Арктику* и т. п. — отсылают к историческому периоду колониальных войн за другой, не менее богатый регион — Африку, к разделу этой территории в связи с сырьевыми и территориальными претензиями западных держав. Отсюда — англоязычный аналог *Scramble for Africa — Scramble for Arctic* (англ.), регулярно используемый зарубежными СМИ. Сказанное во многом объясняет использование метафорических моделей с семантикой конфликта с целью демонстрации путей достижения ресурсного благополучия той или иной страны за счет аннексии Арктического региона и территориальных претензий по поводу Арктики.

Заметим, что в выявленных нами метафорических моделях, объективированных в

текстах СМИ, означаемым выступает частный концепт 'Конфликт в Арктике', который осмысливается посредством милитарной, игровой и спортивной метафор, или — шире — конфликтной метафоры.

Целью данной статьи является исследование специфики милитарной метафоры, с помощью языковой реализации которой в медиатекстах репрезентируется содержательная структура медиаконцепта 'Арктика'.

Материалом для данного исследования стали тексты печатных и электронных СМИ преимущественно информационных жанров, опубликованные в 2013—2016 гг., а также расшифрованный текст документального фильма «Ледниковый параграф» (телеканал «ТВ-Центр»). Кроме того, в ходе анализа для сравнения привлекались тексты об Арктике газет «Правда» и «Известия» советского периода (30—40-е гг.).

**«КОНФЛИКТ В АРКТИКЕ — ЭТО ВОЙНА»:
МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА**

Особая роль милитарной метафоры в русской языковой картине мира подчеркнута в исследованиях политического (А. П. Чудинов [Чудинов 2001], А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов [Баранов, Караулов 1994]), спортивного (Е. Г. Малышева [Малышева 2011]), экономического (А. Ю. Кланцакова [Кланцакова 2003]), религиозного (О. Н. Кондратьева

[Кондратьева 2015]) и других дискурсов. По мнению А. П. Чудинова, концептуальная метафора — это не что иное, как «отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи относящихся к совершенно иной понятийной области сценариев, фреймов и слотов» [Чудинов 2001: 105], и милитарная метафора — одно из самых частотных средств такого рода.

Рассмотрим фреймо-словотворческую структуру метафорической модели 'Конфликты в Арктике — это война' и особенности ее вербализации в текстах СМИ.

1.1. ФРЕЙМ 'ВОЙНА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ'

«Война за Арктику» — частотная тема, регулярно актуализируемая в медиа. Объективный смысл этого процесса — попытка посредством преимущественно невоенных действий (дипломатии, политики, экономики и т. д.) завладеть регионом. Вполне очевидно, что прямых военных действий на территории региона и за него не ведется. Однако осуществляется всесторонняя подготовка к ним: совершенствуется военная техника, наращивается военное присутствие в регионе, происходит подготовка вооруженных сил к ведению продолжительного конфликта в суровых арктических условиях.

Тем не менее заметим: действия России и других стран в борьбе за арктические богатства описываются СМИ в терминах войны, разумеется, метафорически. Наиболее частотным лексическим репрезентантом, характеризующим «разновидность» военных действий в Арктике, является прецедентное для политического дискурса словосочетание «холодная война». Примечательно, что журналисты в своих текстах подчеркивают семантическое наложение в значении этого словосочетания метафорического и метонимического значения прилагательного «холодный»: «холодная война» — отсутствие прямых военных действий и «холодная война» — борьба за северный регион, за территорию, где холодно.

Как правило, это словосочетание используется в заголовках статей как в сильных позициях текста, а сам текст конкретизирует и детализирует семантику напряженной борьбы за регион, охарактеризованной как «холодная война»:

— заголовок: **Холодная война в Арктике** (Независимая газета. 07.08.2015);

— подзаголовок: **Россия готова к холодной войне за Арктику** (Коммерсантъ. 23.09.2013);

— заголовок: **Постпред РФ при НАТО при-**

звал не начинать из-за Арктики конфликт в духе „холодной войны“ (Интерфакс. 26.12.2014);

— заголовок: **Холодная война в ледяном доме** (Аргументы недели. 20.08.2015).

Прокомментируем последний пример, где атрибутивы, характеризующие войну и Арктику, являются синонимами и детерминируют как специфику конфликта, так и сам регион лексемами одного семантического поля: «холодная война» (конфликт) — «ледяной дом» (Арктика). Использование контекстных синонимов «холодный» — «ледяной» создает смысловое напряжение и, на наш взгляд, усиливает суггестивный эффект текста.

Отметим также, что к Арктике было приковано внимание стран-антагонистов в период реальной холодной войны. Таким образом, использование этой политической идиомы в текстах современных СМИ далеко не случайно и вызвано концептуализацией характерных для региона военно-политических проблем.

Приарктическим странам в условиях роста международной конкуренции за ресурсы Арктики следует действовать „на основе принципов предсказуемости и стабильности“, и Россия как важный игрок должна помочь разрешить мирными средствами возникающие споры по этому региону, считают авторы доклада „Политика России в Арктике: как избежать новой холодной войны“ (ТАСС. 22.10.2014).

Итак, феномен скрытого военного противостояния охарактеризован метафорой 'холодная война'. На лексико-семантическом уровне эта метафора представлена словосочетаниями **борьба за Арктику** и **драка за Арктику**.

Борьба может рассматриваться как «стремление осилить в единоборстве», как «сражение или состязание со стремлением победить», а также как вид спорта — «единоборство» [Ожегов 1989: 61—62]. В исследуемом нами корпусе медиатекстов словосочетание **борьба за Арктику** носит метафорический смысл и обозначает «столкновение интересов». Подчеркнем, что посредством этой метафоры описывается отношение к региону, геополитическая конфликтная ситуация.

С точки зрения организации этой борьбы можно выделить следующие компоненты, объективированные в текстах СМИ:

• причины и поводы борьбы (политические решения):

В российском МИДе уверены, что, по-сетив норвежский арктический архипелаг

Шпицберген, вице-премьер Дмитрий Рогозин не нарушал международного права. Норвегия ранее выразила протест против поездки чиновника, который входит в санкционный список ЕС. Дипломатический инцидент обнажает новый виток борьбы за Арктику, которая в ближайшее время будет только обостряться (Газета.Ру. 20.04.2015);

- активизация борьбы (проведение учений в регионе, усиление военного присутствия, политические интриги и т. п.):

– Потенциальной угрозы вооруженного конфликта в Арктике нет, пока в дело идут различные способы давления, считает Сергей Гриняев: „Конкуренция и борьба за Арктику идет и будет идти. Другое дело, что сегодня она ведется не методами прямого противостояния, не путем милитаризации региона, а путем использования более хитрых, скрытых и коварных схем экономического, политического и дипломатического давления“. ...Запрет Евросоюза и США поставлять в Россию высокотехнологичное оборудование для разработки глубоководного шельфа — один из примеров битвы за Арктику. Эксперты говорят — это только начало (РИА «Новости». 08.08.2014);

– заголовок: *FinancialTimes: в борьбе за Арктику США уступают России. По мнению ряда аналитиков, США слишком долго не уделяли внимания развитию своих арктических территорий. В результате другие страны региона успели сделать значительный шаг вперед, пишет Financial Times* (РИА «Новости». 09.03.2015);

– *Борьбу за Арктику Россия начала с того, что установила на дне титановый российский флаг и развернула на арктических островах три арктические бригады* (Газета.Ру. 20.04.2015);

- возможный результат, победа (региональная ресурсная и транспортная монополия):

Борьба за арктические ресурсы обостряется. При этом самые крупные и перспективные месторождения углеводородов находятся как раз в российском секторе (Русский Север // Лента.ру).

Заметим, что доминантная роль в вышеуказанных контекстах отводится в первую очередь геополитической и экономической деятельности (добыча ресурсов), что подтверждается лексемами и идиомами соответствующей направленности: *дипломатический инцидент, экономическое, политическое и дипломатическое давление, запрет, разработка шельфа, развертывание*

арктической бригады и т. п.

В СМИ частотно описываются «фазы» развития этой борьбы посредством использования глагольных форм будущего и настоящего времени и атрибутивов, характеризующих степень развития борьбы. Если в публикациях 2014 г. и начала 2015 г. борьба за Арктику воспринимается как прогнозируемое будущее, то в конце 2015 г. она уже начинается, а в 2016-м вступает в активную фазу:

– *Возможность того, что посредством приобретения миллиардерами земли в Арктике Китай стремится усилить свои позиции в будущей борьбе за Арктику, действительно существует, полагают эксперты. Причем Китаю данный регион может быть интересен как в экономическом, так и в политическом контексте* (Газета.ру. 18.05.2014);

– Действительно, арктический континент является средоточием большого количества природных богатств. ...В связи с этим в ближайшее время России предстоит борьба с другими арктическими странами за расширение внешних границ своего континентального шельфа за пределами 200 морских миль, на которые раньше распространялся суверенитет страны (Газета.ру. 20.04.2015);

– подзаголовок: *Борьба за Арктику. Схватка за Арктику только начинается. Ее раздел так или иначе неизбежен, но все будет зависеть от того, какой потенциал за спиной у участников процесса* (РИА «Новости». 01.09.2015);

– Эксперты отмечают, что *тема Арктики в будущем будет одной из основных в повестке дня. Несмотря на все сложности, с которыми сталкивается процесс освоения этого региона, ни одна страна не откажется закрепиться здесь и продвигаться дальше. Не стоит исключать, что уже в ближайшие 100 лет мир столкнется с простым выводом: кто владеет Арктикой — тот владеет миром* (интервью российского общественного деятеля Александра Гусева // РИА «Новости». 13.07.2015).

Неотъемлемой частью борьбы является наличие явного или потенциального соперника. В этом контексте российские СМИ называют государства, имеющие претензии на регион: США, Норвегия, Канада, Дания, Китай и пр.

В отличие от борьбы, драка имеет большую степень ожесточенности. С. И. Ожегов выделяет в качестве дифференциальных сем значения слова *драка* такие, как 'побои', 'ссоры', 'скандалы' [Ожегов 1989: 182]. Так

или иначе, эти действия вызваны не подготовленными заранее стратегическими решениями, а скорее спонтанными эмоциональными порывами и реализуются в форме случайных, спонтанных ситуаций (*ввязаться в драку* и т. п.). Кроме того, драка менее продолжительна с временной точки зрения, чем, например, борьба. Заметим, что метафорическая конструкция *драться/драка за Арктику* достаточно частотна в текстах СМИ и традиционно сопровождается наименованиями средств драки (оружия) и ее последствий. Кроме того, подразумевается, что драка — это начальное столкновение, кратковременный силовой конфликт, который неизбежно перерастет в серьезное (военное, полномасштабное) противостояние:

— заголовок: *Канада будет с оружием в руках драться с Россией за Арктику. Власти Канады заявили, что просто так не отдадут России Арктику. Если понадобится, то Оттава будет с оружием в руках отстаивать свои интересы в этом регионе* (Петербургский дневник. 26.08.2014);

— Президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Леонид Ивашов считает, что арктическое направление сегодня становится **наиболее опасным для России**. <...> „Они считают, что Северный морской путь и ряд территорий, которые Россия объявляет своей собственностью, являются международными водами. Поэтому **драка за Арктику, за биологические ресурсы может вылиться в жесткое силовое противостояние**“, — прогнозирует эксперт (РИА «Новости». 13.08.2014).

Очевидно, что в данных контекстах актуализируется не только метафорическое представление о борьбе за Арктику, но и прогнозируется, что эта борьба может перерасти в реальные военные действия. Метонимический характер модель 'Конфликт в Арктике — это война' приобретает и при реализации в контекстах, где подчеркивается, что драка за Арктику — не простая драка, это борьба за выживание в чрезвычайно враждебной человеку среде. Как следствие, конфликт в Арктике требует особой подготовки:

Это, конечно, полигон, конечно, учения, только вот войска настоящие. И драться учатся по-настоящему, драться за Арктику. Место, где полярная ночь длится полгода, зимой температура опускается до минус сорока пяти, а ясных дней всего два десятка за год, вдруг оказалась нужной половине земного шара, да так, что армию пришлось тренировать («Ледниковый

параграф»).

Конечно, встречаются в текстах СМИ вербализованные сомнения относительно разрастания конфликта вокруг Арктики. Впрочем, такие тексты единичны и в корпусе примеров за 2015—2016 гг. они практически не встречаются, что подтверждает устойчивость представлений медиа по поводу неизбежности «арктического конфликта»:

Я все же надеюсь, что драки по этому поводу (по поводу Арктики. — Е. М.) **не будет. Если, представим гипотетически, признают одинаковыми притязания России и Канады по хребту Ломоносова, то на дипломатическом уровне мы будем думать, где проводить линию: по медиане, или по секторам, или как-то еще. Это уже будут решать дипломаты, и я думаю, что это вполне решаемый вопрос** (Росбалт. 08.01.2014).

1.2. ФРЕЙМ 'ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ЦЕЛИ'

Покорение и завоевание Арктики — традиционная метафорическая модель как для советского медиатекста, так и для современного.

Для советского человека, несомненного лидера в освоении мирового арктического пространства, идея «завоевания» Арктики — возможность открыть и освоить регион. Противником при этом выступают суровые климатические условия, требующие преодоления и сверхчеловеческих нагрузок. Стилистически тексты советских СМИ отличались естественным, присущим советской журналистике пафосом, выраженным в том числе и в использовании лексем с соответствующим значением:

Советские социалистические люди, штурмующие стратосферу, покоряющие Арктику, завоевывающие полюс, делающие невиданные беспосадочные перелеты, раскрывающие тайну материи в институтах и лабораториях, изменяющие географический облик страны... (Известия. 21.01.1938).

Однако при анализе текстов советского периода и современности все же наблюдается некоторая корреляция. Так, под завоеванием Арктики, в отличие от драки или борьбы за нее, понимается в основном экономическая, бизнес-деятельность в регионе, развитие транспортной инфраструктуры, позволяющей иметь беспрепятственный доступ к любому, самому отдаленному уголку арктической территории и транспортировать большие объемы груза, т. е. активно задействовать морские коммуникации с позиций экономики. Таким образом, милитарная ме-

тафора, выраженная в лексеме *завоевание*, переходит в иную семантическую плоскость, когда «военные действия» отождествляются с активным экономическим *освоением* территории, *расширением присутствия, инвестициями* в регион. Проиллюстрируем сказанное анализом фрагмента статьи, опубликованной на портале «Газета.ру» под заголовком **Севморпуть: как Россия завоеует Арктику**:

...Без Севморпути развитие приарктических регионов России стоит под вопросом. Именно поэтому так важно обеспечить надежное круглогодичное транспортное функционирование этого маршрута, заявил глава делового совета Госкомиссии по вопросам развития Арктики Сергей Шишкарёв в ходе первого заседания 18 сентября. Шишкарёв подчеркнул, что очень важно повысить инвестиционную привлекательность Арктического региона для бизнеса. Это позволит привлечь частные инвестиции в Арктику и объединить усилия государства и бизнеса для развития этого региона. Но без развитой транспортной инфраструктуры сделать это будет проблематично.

Предприниматели российских северных регионов заинтересованы в развитии Северного морского пути.

...Более половины участников опроса уверены, что в ближайшие годы в развитии Арктики будут достигнуты большие успехи.

...В планах российских властей — увеличение грузопотока через Севморпуть до 80 млн т к 2030 году.

Интерес к северному маршруту, способному составить конкуренцию Суэцкому каналу, уже проявили Китай, Япония и Южная Корея.

...Задача по освоению Севморпути имеет важнейшее стратегическое значение для государства. „Организация транспортной магистрали в Арктике не только позволит освоить новый международный транспортный маршрут между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, но и будет способствовать укреплению связей между Дальним Востоком России и ее европейской частью, — считает Пегин. — А это даст дополнительный импульс для развития регионом Арктической зоны, обеспечит российское присутствие в Арктике и откроет доступ к ее ресурсному потенциалу“ (Газета.ру. 20.09.2015).

Приведенный текст несомненно характеризует *завоевание* Арктики с позиции ее освоения и развития. Для России освоить

Арктику — значит развить в регионе бизнес- и экономическую инфраструктуру, адаптировать регион к началу активной добычи полезных ископаемых, что невозможно без гибкой транспортной коммуникации.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, и атрибуция роли создания такой транспортной артерии. Автор регулярно использует атрибутивы превосходной степени, характеризуя роль Северного морского пути в развитии региона: *кратчайший, важнейший* и под., представляющие его как единственно верное средство решения сложившихся проблем.

По контрасту упоминаются проблематичность освоения региона, и негативное состояние северных экономик без Севморпути, и успехи по продвижению на север, и экономическое благополучие при его наличии.

Наконец, имплицитно выражается конкурентоспособность северной экономики в российском пространстве через регулярные оппозиции Северного морского пути и его потенциала иным маршрутам и регионам: *Севморпуть — Суэцкий канал, туризм в России — туризм в Европе, ресурсы Севера — ресурсы остальной части России.*

1.3. ФРЕЙМ ‘МЕСТО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ / ТЕРРИТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА’

Специфическим при реализации метафоры войны является обозначение Арктики не только как желаемого результата имплицитного военного конфликта между странами, но и как территории этого военного конфликта. Арктика — своеобразный «театр военных действий», арена реализации военного потенциала государств. В то же время Арктика воспринимается и как место консолидации международных интересов, сплочения и сотрудничества.

В связи с этим охарактеризуем два противопоставленных в данном аспекте образа Арктики.

1.3.1. Слот ‘Арктика — это горячая точка’

Горячая точка — устойчивое словосочетание, используемое в политическом и журналистском дискурсе и традиционно обозначающее место, регион, где происходит вооруженный конфликт, война. Применительно к исследуемой нами области концептуализации номинация *горячая точка* наиболее точно отражает военно-политическую напряженность, характерную для Арктического региона. Политика арктических и приарктических государств в отношении Арктики характеризуется стремлением доказать соб-

ственный потенциал и влияние в регионе, и это реализуется в лексемах соответствующей семантики.

Аксиологический модус номинации *горячая точка* безусловно отрицательный. При этом часто данное словосочетание «сводится» в контексте с метафорическими словосочетаниями и лексемами в переносном значении, усиливающими отрицательную коннотацию: *пессимистический, грозит, скользкие вопросы, холодные отношения, тихая война* и под.:

– *„Пессимистический гид по миру в 2015 году“* — доклад с таким жизнеутверждающим названием опубликовало информационное агентство *Bloomberg*. Опираясь на опрос экспертов по внешней политике, военному делу и экономике, агентство называет места во всем мире, которые могут стать *„горячими точками“*. Три из них — Прибалтика, Азовское побережье Украины и **Арктика** — напрямую связаны с Россией, однако ни одна из них не расположилась в топе (Газета.ру. 23.12.2014);

– *Очередной горячей точкой планеты грозит стать холодная Арктика*. Пока там не гремят выстрелы и не падают бомбы. Но в самом разгаре *тихая война разведок и дипломатов* (Аргументы недели. 20.08.2015);

– заголовок: **Арктика как горячая точка: скользкие вопросы холодных отношений...** (ФБА «Экономика сегодня». 11.04.2016);

– Учитывая, что Канада и США также усиливают военное присутствие в **Арктике**, последние трения подчеркивают растущее число потенциальных *„горячих точек“* в море и в небе (ИноСМИ. 01.07.2014).

– **Арктику уже сейчас называют горячей точкой, где соприкасаются интересы многих государств, и нынешний век, пожалуй, может стать сложным этапом во взаимоотношениях государств** (Аргументы и факты. 17.06.2016).

Примечательно, что словосочетание *горячая точка* может использоваться и как имя региональных точек с нестабильной вулканической активностью, излишним загрязнением среды, экологическими проблемами:

В российской Арктической зоне выявлено около 100 горячих точек. Как следует из научных отчетов проекта ЮНЕП/ГЭФ *„Российская Федерация — поддержка Национального плана действий по защите арктической морской среды“* (проект *„НПД-Арктика“*, 2005—2010), **природоохранные проблемы в Арктической зоне России**

связаны с наличием в регионе так называемых горячих точек, где велась интенсивная хозяйственная деятельность. Из них **наиболее опасные** загрязнение нефтью и нефтепродуктами, химическое загрязнение тяжелыми металлами, стойкими органическими загрязнителями, твердыми отходами и т. д. (Независимая газета. 24.12.2014).

1.3.2. Слот ‘Арктика — это территория диалога’

Формируемый СМИ медиаконцепт ‘Арктика’ сегодня обладает внутренне противоречивым содержанием. Так, наряду с представлениями об Арктическом регионе как о зоне конфликта, противостояния и даже войны существует экспликация Арктики как места мирного сотрудничества заинтересованных стран и территории согласия. Совпадающие интересы государств принуждают их к диалогу вокруг актуальных проблем Севера:

– *Россия заинтересована в том, чтобы Арктика стала территорией диалога и сотрудничества*, сказал министр (Сергей Лавров. — Е. М.) (ТАСС. 12.04. 2016);

– заголовок: **Арктика как территория международного диалога и наращивания военного присутствия** (Арктик-Инфо. 01.02. 2016);

– *Россия рассматривает Арктику как территорию диалога и сотрудничества*, подчеркнул директор департамента международного сотрудничества Минприроды РФ Нуритдин Инамов (РИА «Новости». 26.01.2016);

– 16 сентября, выступая в Архангельске на Международной конференции **по обеспечению безопасности в Арктике**, Патрушев подчеркнул, что **стратегический курс России в Арктике состоит в том, чтобы придать этому региону статус диалога, мира и добрососедства**. „Проводимая нами работа полностью соответствует стратегическому курсу России в отношении Арктики — курсу, нацеленному на придание этому региону статуса территории диалога, мира и добрососедства“, — заявил тогда он (ТАСС. 03.11.2015);

– *Мы поддерживаем позицию президента РФ Владимира Путина, по которой Россия должна иметь все рычаги для защиты своей безопасности и национальных интересов*, — сказал Игорь Чернышенко. — При этом следует еще раз подчеркнуть, что **Арктика должна остаться территорией диалога**, предполагающего, что партнеры прислушиваются друг к другу и уважительно относятся к несовпадающим точкам зрения (Арктик-Инфо. 18.

12.2013).

Показательным является и проведение мероприятий соответствующей миротворческой направленности, номинации которых отсылают к указанной семантике консолидации:

В сентябре в Салехарде пройдет международная конференция „Арктика — территория диалога“, сообщил премьер-министр РФ Дмитрий Медведев на пленарном заседании Стран Баренцева моря и Евроарктического региона (ТАСС. 04.06.2013).

1.4. ФРЕЙМ 'ПРИЧИНЫ И ИТОГИ/РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ'

Результатом войны за Арктику является контроль над полезными ископаемыми, содержащимися в ее недрах. Ресурсный потенциал региона также является объектом метафоризации: **Война за „Эльдорадо“ Арктики набирает обороты** (РЕН-ТВ. 25.02.2016).

В приведенном фрагменте заметки на сайте телеканала «РЕН-ТВ» полезные ископаемые в Арктике отождествляются с «золотым» южноамериканским городом Эльдорадо, богатства которого стремились завоевать европейские страны.

Вообще в текстах об Арктике довольно часто прибегают к использованию прецедентных феноменов с разной целью. В данном случае такая номинация является показательной с точки зрения характеристики причин «войны» за Арктику. Кроме того, причины «военных действий» в этом регионе эксплицируются за счет лексической детализации «разновидностей» войны и желаемых военных «трофеев». Примечательно, что в одном тексте могут описываться причины, действия и результат этой войны:

— заголовок: **Нефтяная война за Арктику. Бурение на Арктическом шельфе остановили всего на неделю раньше запланированного срока** (Национальная служба новостей. 19.09.2014);

— *Вкладываться в оборону необходимо хотя бы для того, чтобы нас не растащили по кускам. Тем более новый тип войн абсолютно непредсказуем. Впереди войны за ресурсы, за Арктику* (интервью с Владимиром Комоедовым, главой комитета ГД по обороне // Эксперт. 14.02.2014);

— **В Арктике уже не первое десятилетие идет война за ресурсы — нефтегазовые залежи шельфа, места рыболовства, маршруты коммерческого судоходства. По мере того, как продолжается глобальное потепление и тает арктический лед, аппетиты государств и корпораций**

обостряются. Апофеозом территориальных притязаний стало триумфальное водружение титанового флага РФ на арктическом дне, на Хребте Ломоносова, дабы застолбить российскую часть континентального шельфа (Forbes (Москва). 03.11.2013).

При описании региональных конфликтов интересен прогноз экспертов относительно их результата и вообще вероятности этой войны. Сомнения на этот счет — характерная черта публикаций 2013 г.:

— *Проведено разграничение морских пространств с Норвегией и США, нет спорных месторождений нефти и газа, на которые наряду с Россией претендовали бы другие страны. Перспективы освоения новых месторождений и создания транспортной магистрали по Северному морскому пути практически равны нулю. Иными словами, войны за ресурсы и контроль над транспортными коммуникациями в Арктике, призрак которых преследует российских генералов и политиков, бессмысленны, поскольку просто нет предмета для противостояния* (ИноСМИ. 15.12.2013);

— *Вот аргументация Сергея Медведева (профессор ВШЭ. — Е. М.), высказанная им в тот же конфликтный вечер: „Проблема в том, что главной проигравшей в этой войне (за ресурсы Арктики. — Корреспондент) окажется сама Россия, независимо от того, сколько арктических вод и дна ей удастся присвоить. Угроза будущему России — не в территориальных претензиях конкурентов, а в экологическом бедствии, которое происходит сейчас в Арктике* (Арктик-Инфо. 14.11.2013).

1.4.1. Слот 'Поражение/проигрыш'

Поскольку итоги войны неизбежно предполагают наличие победителей и проигравших, соответствующие слоты реализуются в текстах СМИ посредством предикатов с подходящей семантикой.

Так, в текстах периода 2013—2014 гг. проигравшей стороной называют именно Россию, поскольку ее поведение в регионе оставляет желать лучшего. Опыт безответственного отношения к разработке полезных ископаемых в стране свидетельствует об опасности проведения аналогичной работы в хрупком с экологической точки зрения регионе. В данном контексте действия России традиционно осуждаются, а тексты имеют явно пейоративный характер:

— *По мнению Сергея Медведева, Россия проиграет войну за Арктику из-за последствий экологического бедствия, которое там уже „происходит“ и может пре-*

вернуться в „катастрофу“. Он отмечает, что **нефтедобыча — „самая грязная отрасль в России“**, а в случае аварии последствия будут хуже, чем в Мексиканском заливе: *технологически в водах Арктики можно будет собрать не более 10 % разлившейся нефти* (Ведомости. 04.10.2013).

Однако с точки зрения военного потенциала и развития региона в других сферах приоритет России неоспорим. Признание России победителем учитывает и количество потраченных на регион сил, и военный потенциал в регионе, и российскую территориальную часть:

— заголовок: **США проиграли России войну за Арктику, даже не начав ее. Речь о войне за Арктику не идет, но США уже проигрывают ее России**, пишет американское издание *We Are The Mighty*, специализирующееся на военной тематике (РИА «Новости». 17.07.2015).

1.4.2. Слот 'Победа/выигрыш'

Развитие Арктики предполагает огромное количество потраченных на это сил и разносторонние действия в регионе. Чем активнее арктическая держава работает над собственным представительством в регионе, тем более эффективно оценивается эта работа в медиа. Так, например, в отечественном медиадискурсе старания России в Арктике представлены как безусловно масштабные и даже беспрецедентные, они оцениваются как перспективные и успешные. Возможно, именно поэтому русскоязычные медиа зачастую прогнозируют «арктическую победу» именно России:

— *России надо быстрее восстанавливать в этом регионе полярные станции, начинать геологические работы, развивать прилегающие к арктической зоне российские регионы, считают эксперты. „Битву за Арктику выиграет тот, кто обеспечит наилучшие условия для деятельности там человека“, — добавляют они* (Российская газета. 20.11.2014);

— *Нам нужно защищать не только Арктику, но и — на случай военного давления в арктической зоне — продумать, как угрожать в ответ территории США. Другими словами, нам сначала нужно **выиграть битву за Арктику** в головах тех, кто ее планирует* (Эксперт. 11.12.2013).

Интересно, что журналисты подчеркивают реальность настоящего, а не метафорического «сражения» за Арктику с главным оппонентом России — США, переходя в одном контексте от употребления лексем, входящих в семантическое поле «Война», в прямом значении к метафорическим словоупотреблениям (*защищать, военное дав-*

ление, угрожать — выиграть битву).

ВЫВОДЫ

Итак, можно сделать некоторые предварительные выводы относительно содержательной специфики медиаконцепта 'Арктика', репрезентированной посредством военной метафоры.

Военная метафора описывает конфликт России с другими странами относительно права владения всеми богатствами Арктического региона прежде всего в терминах *холодной войны / новой холодной войны*, а также *борьбы, битвы* и даже *драки*. При этом в СМИ имплицитно подчеркивается необходимость ведения такого рода «боевых действий», поскольку в содержательной структуре медиаконцепта 'Арктика' частотно актуализируются концептуальные признаки 'богатый регион', 'необходимый для развития экономики России регион', 'регион, определяющий мировое господство' и под.: *Кто владеет Арктикой — тот владеет миром*. Отметим, что конструирование медиаконцепта 'Арктика' сквозь призму такого рода репрезентаций, несомненно, накладывает отпечаток на восприятие региона не только как проблемного, полного разногласий, но и как региона, который нуждается в защите, как региона с огромным ресурсным потенциалом.

Вообще созданный современными СМИ медиаконцепт обладает внутренне противоречивым содержанием. С одной стороны, в медиатекстах по-прежнему эксплицируются представления о том, что завоевание Арктики — это война прежде всего с суровыми климатическими условиями, это необходимый и благородный путь преодоления человеком препятствий, которые ставит на его пути природа, ради процветания России. С другой стороны, Арктика — это место, в битве за которое Россия обязательно потерпит поражение из-за преступного отношения к богатствам региона, из-за того, что наше вмешательство приносит в Арктику экологические проблемы. Наконец, Арктика позиционируется в СМИ как регион, который неизбежно приведет развитые державы к реальной войне за ее недра, за право владеть ее ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
2. Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 99—104.
3. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 43—49.
4. Васильев А. Д. Фразеологизм холодная война в современной политической риторике // Политическая лингвистика.

2016. № 4 (58). С. 22—26.

5. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10—16.

6. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.

7. Кланшчакова А. Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2003. 181 с.

8. Кондратьева О. Н. Метафорика религиозного дискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 10. — С. 101—106.

9. Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 53—59.

10. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра филол. наук. — Омск, 2011. 405 с.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1989. 924 с.

12. Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Смысловые маркеры дискурса холодной войны // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 93—101.

13. Сипко Й. Лингвокультурология антироссийских санкций в словацких СМИ, или Украинский кризис продолжается // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 93—98.

14. Тагильцева Ю. Р. «Брат ты мне или не брат?», или Информационно-психологическая война в контексте российско-белорусских отношений // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 180—186.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. — Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с.

E. G. Malysheva, A. Yu. Zhigunov
Omsk, Russia

NEW “COLD WAR”: MILITARY METAPHOR AS THE BASIC CONCEPTUAL MODEL OF MEDIA-CONCEPT “ARCTIC” REPRESENTATION

ABSTRACT. The paper studies the peculiarities of representation of the media-concept “Arctic” in the texts of printed and electronic media. It is argued that the basic means of interpretation of the concept “Arctic” is a conflict metaphor, military metaphor in particular. Frame and slots structure of the metaphoric model “Conflicts in Arctic is war” is analyzed; the conclusions are made about the peculiarities of reconstruction of the fragment of the media worldview, connected with the cognitive phenomenon of “Arctic”. In terms of “Cold war/new Cold war”, “combat”, “battle” and even “fight”, military metaphor describes the conflict of the right of possession of all the riches of the Arctic region between Russia and the other countries. Mass media underline implicitly the necessity of such “fights”, because the media-concept “Arctic” has the following conceptual features as “rich region”, “important for the development of economy of Russia” and “the region that determines world domination”. On the one hand, media texts still express the opinion that conquering Arctic is a war with the severe climate first of all, it is a necessary and honorable way to overcome the hardships by a man for the sake of Russia. On the other hand, Arctic is a region, fighting for which, Russia will be defeated because of the negligence of its riches and harm to ecology.

KEYWORDS: military metaphor; metaphoric model; media concepts; frames; media texts; political metaphorology; political discourse; Cold War.

ABOUT THE AUTHOR: Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Journalism and Medialinguistics, Faculty of Journalism and Medialinguistics, Omsk State University, Omsk, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Zhigunov Anton Yurevich, Master's Degree Student, Department of Journalism and Medialinguistics, Omsk State University, Press-secretary.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — M. : Pomovskiy i partnery, 1994. 330 s.
2. Bachurin V. D. Manipulyativnye tekhnologii, primenyaemye SMI v sovremennom voenno-politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 99—104.
3. Budaev E. V., Tikhonov V. V. Zoomorfnye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 43—49.
4. Vasil'ev A. D. Frazеologizm kholodnaya vojna v sovremennoy politicheskoy ritorike // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 22—26.
5. Vasil'ev A. D., Podsohin F. E. Informatsionnaya vojna: lingvisticheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 10—16.
6. Ivanova S. V. Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy vojny: sozdanie efekta demonizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 28—37.
7. Klanshchakova A. Yu. Metafora v strukture ekonomicheskogo diskursa: opyt kompleksnogo issledovaniya: na materiale angliyskogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — Irkutsk, 2003. 181 s.

8. Kondrat'eva O. N. Metaforika religioznogo diskursa // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. — 2015. — № 10. — S. 101—106.
9. Krasovskaya O. V. Informatsionnaya vojna kak kommunikativnyy fenomen // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 53—59.
10. Malysheva E. G. Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Omsk, 2011. 405 s.
11. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1989. 924 s.
12. Pogorelko A. M., Gerasina T. N. Smyslovye markery diskursa kholodnoy vojny // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 93—101.
13. Sipko Y. Lingvokul'turologiya antirossiyskikh sanktsiy v slovatskikh SMI, ili Ukrainskiy krizis prodolzhaetsya // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 93—98.
14. Tagiltseva Yu. R. «Brat ty mne ili ne brat?», ili Informatsionno-psikhologicheskaya vojna v kontekste rossiysko-belorusskikh otnosheniy // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 180—186.
15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory. — Ekaterinburg : UrGPU, 2001. 238 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.